Ж. Бодрийяр*

В ТЕНИ МОЛЧАЛИВОГО БОЛЬШИНСТВА, ИЛИ КОНЕЦ СОЦИАЛЬНОГО

В тени молчаливого большинства…

Все хаотическое скопление социального вращается вокруг этого пористого объекта, этой одновременно непроницаемой и прозрачной реальности, этого ничто – вокруг масс. Магический хрустальный шар статистики, они, наподобие материи и природных стихий, «пронизаны токами и течениями». Именно так, по меньшей мере, мы их себе представляем. Они могут быть «намагничены» – социальное окружает их, выступая в качестве статического электричества, но большую часть времени они образуют «массу» в прямом значении слова, иначе говоря, все электричество социального и политического они поглощают и нейтрализуют безвозвратно. Они не являются ни хорошими проводниками политического, ни хорошими проводниками социального, ни хорошими проводниками смысла вообще. Все их пронизывает, все их намагничивает, но все здесь и рассеивается, не оставляя никаких следов. И призыв к массам, в сущности, всегда остается без ответа. Они не излучают, а напротив, поглощают все излучение периферических созвездий Государства, Истории, Культуры, Смысла. Они суть инерция, могущество инерции, власть нейтрального.

Именно в этом смысле масса выступает характеристикой нашей современности – как явление в высшей степени имплозивное [1]*, не осваиваемое никакой традиционной практикой и никакой традиционной теорией, а может быть, и вообще любой практикой и любой теорией.

Воображению массы представляются колеблющимися где-то между пассивностью и необузданной спонтанностью, но всякий раз как энергия потенциальная, как запас социального и социальной активности: сегодня они – безмолвный объект, завтра, когда возьмут слово и перестанут быть «молчаливым большинством», – главное действующее лицо истории. Однако истории, достойной описания, – ни прошлого, ни будущего – массы как раз и не имеют. Они не имеют ни скрытых сил, которые бы высвобождались, ни устремлений, которые должны были бы реализовываться. Их

---

* Печатается по: В тени молчаливого большинства, или Конец социального. – Editions DENOEL, 1982; Екатеринбург, 2000.

сила является **актуальной**, она здесь вся целиком, и это сила их молчания. Сила поглощения и нейтрализации, отныне превосходящая все силы, на массы воздействующие. Специфическая сила инертного, принцип функционирования [*l'efficace*] которой чужд принципу функционирования всех схем производства, распространения и расширения, лежащих в основе нашего воображения, в том числе и воображения, намеренного эти схемы разрушить. Недопустимая и непостижимая фигура имплозии (возникает вопрос: применимо ли к имплозии слово «процесс»?), о которую спотыкаются все наши рассудочные системы и против которой они с упорством восстают, активизацией всех значений, вспышкой игры всех означающих маскируя главное – крушение смысла.

В вакууме социального перемещаются промежуточные объекты и кристаллические скопления, которые кружатся и сталкиваются друг с другом в рассудочном поле ясного и темного. Такова масса, соединенные пустотой индивидуальные частицы, обрывки социального и распространяемые средствами информации импульсы: непроницаемая туманность, возрастающая плотность которой поглощает все окрестные потоки энергии и световые пучки, чтобы рухнуть в конце концов под собственной тяжестью. Черная дыра, куда проваливается социальное.

Итак, полная противоположность тому, что обозначается как «социологическое». Социология в состоянии лишь описывать экспансию социального и ее перипетии. Она существует лишь благодаря позитивному и безоговорочному допущению социального. Устранение, имплозия социального от нее ускользают. Предположение смерти социального есть также и предположение ее собственной смерти.

Термином «масса» выражено не понятие. За этим без конца используемым в политической демагогии словом стоит рыхлое, вязкое, люмпенаналитическое представление. Верная себе социология будет пытаться преодолеть его ограниченность, используя «более тонкие» категории социопрофессионального и классового, понятие культурного статуса и т. д. Стратегия ошибочная: бродя вокруг этих рыхлых и некритических (как некогда «мана» [2]*) представлений, можно пойти дальше, чем умная и критическая социология. Впрочем, задним числом оказывается, что и понятия класса, социальных отношений, власти, статуса, институции и само понятие социального, все эти слишком ясные, составляющие славу узаконенных наук понятия, тоже всегда были только смутными представлениями, на которых, однако, остановились с тайной целью оградить определенный код от анализа.

Стремление уточнить содержание термина «масса» поистине нелепо – это попытка придать смысл тому, что его не имеет. Говорят: «масса трудящихся». Но масса никогда не является ни массой трудящихся, ни массой какого-либо другого социального субъекта или объекта. «Крестьянские

массы» старого времени массами как раз и не были: массу составляют лишь те, кто свободен от своих символических обязанностей, «отсетчен» [*"résiliés"*] [3]* (пойман в бесконечные «сети») и кому предназначено быть уже только многоликим результатом [*terminal*] функционирования тех самых моделей, которым не удается их интегрировать и которые в конце концов предъявляют их лишь в качестве статистических остатков. Масса не обладает ни атрибутом, ни предикатом, ни качеством, ни референцией. Именно в этом состоит ее определенность, или радикальная неопределенность. Она не имеет социологической «реальности». У нее нет ничего общего с каким-либо **реальным** населением, какой-либо корпорацией, какой-либо особой социальной совокупностью. Любая попытка ее квалификации является всего лишь усилием отдать ее в руки социологии и оторвать от той неразличимости, которая не есть даже неразличимость равнозначности (бесконечная сумма равнозначных индивидов 1+1+1+1 – это ее социологическое определение), но выступает неразличимостью **нейтрального**, то есть **ни того, ни другого** (*ne-uter* [4]*).

Полярности одного и другого в массе больше нет. Именно этим создаются данная пустота и разрушительная мощь, которую масса испытывает на всех системах, живущих расхождением и различием полюсов (двух или – в системах более сложных – множества). Именно этим определяется то, что здесь невозможен обмен смыслами – они тут же рассеиваются, подобно тому как рассеиваются в пустоте атомы. Именно по этой причине в массе невозможно также и **отчуждение** – здесь больше не существуют ни один, ни **другой**.

Масса, лишенная слова, которая всегда распростерта перед держателями слова, лишенными истории. Восхитительный союз тех, кому нечего сказать, и масс, которые не говорят. Неподъемное ничто всех дискурсов. Ни истерии, ни потенциального фашизма – уходящая в бездну симуляция всех потерянных систем референций. Черный ящик всей невостребованной референциальности, всех неизвлеченных смыслов, невозможной истории, ускользающих наборов представлений, – масса есть то, что остается, когда социальное забыто окончательно.

Что касается невозможности распространить здесь смысл, то лучший пример тому – пример Бога. Массы приняли во внимание только его образ, но никак не Идею. Они никогда не были затронуты ни Идеей Божественного, которая осталась предметом заботы клириков, ни проблемами греха и личного спасения. То, что их привлекло, это феерия мучеников и святых, феерии страшного суда и пляски смерти, это чудеса, это церковные театрализованные представления и церемониал, это имманентность ритуального вопреки трансцендентности Идеи. Они были язычниками – они, верные себе, ими и остались, никак не тревожимые мыслями о Высшей Инстанции и довольствуясь иконами, суевериями и дьяволом. Практика

падения по сравнению с духовным возвышением в вере? Пожалуй, даже и так. Плоской ритуальностью и оскверняющей имитацией разрушать категорический императив морали и веры, величественный императив всегда отвергавшегося ими **смысла** – это в их манере. И дело не в том, что они не смогли выйти к высшему свету религии, – они его проигнорировали. Они не прочь умереть за веру, – за святое дело, за идола. Но трансцендентность, но связанные с ней напряженное ожидание [*le suspens*], отсроченность [*différence* [5]*], терпение, аскезу – то высокое, с чего начинается религия, они не признают. Царство Божие для масс всегда уже заранее существовало здесь, на земле – в языческой имманентности икон, в спектакле, который устроила из него Церковь. Невероятный отход от сути религиозного. Массы растворили религию в переживании чудес и представлений – это единственный их религиозный опыт.

Одна и та же участь постигла все великие схемы разума. Им довелось обрести себя и следовать своему историческому предназначению только на узких горных тропах социальности, удерживающей смысл (и прежде всего смысл социальный); но в массы они внедрились, по существу, лишь в искаженном виде, ценой крайней деформации. Так обстояло дело и с Разумом историческим, и с Разумом политическим, и с Разумом культурным, и с Разумом революционным; так обстояло дело и с самим Разумом социального – самым для нас интересным, поскольку, казалось бы, уж онто в массах укоренен и, более того, именно он и породил их в процессе своей эволюции. Являются ли массы «зеркалом социального»? Нет, они не отражают социальное. Но они и не отражаются в нем – зеркало социального разбивается от столкновения с ними [6]*.

Этот образ все-таки не точен, ибо снова наводит на мысль о полноте субстанции, глухом сопротивлении. Массы, однако, функционируют скорее как гигантская черная дыра, безжалостно отклоняющая, изгибающая и искривляющая все потоки энергии и световые излучения, которые с ней сближаются. Как имплозивная сфера ускоряющегося пространственного искривления, где все измерения вгибаются внутрь самих себя и свертываются в ничто, оставляя позади себя такое место, где может происходить только поглощение.

Масса и терроризм

Мы живем в это странное время, когда массы не соглашаются носить имя социального и тем самым отказываются и от смысла, и от свободы. Но отсюда не следует, что они включены в какую-то иную – новую и не менее славную – референцию. Ибо они не существуют. Можно лишь констатировать, что, столкнувшись с ними, начинает медленно разваливаться любая власть. Молчаливое большинство – это не сущность и не социологическая

реальность, это тень, отбрасываемая властью, разверзнувшаяся перед ней бездна, поглощающая ее форма. Текучее, неустойчивое, податливое, слишком быстро уступающее любому воздействию скопление, характеризующаяся гиперреальным конформизмом, крайней степенью пассивности туманность – вот виновник сегодняшней гибели власти. Но точно так же и краха революции – потому что такого рода имплозивная масса по определению никогда не взорвется и, следовательно, неизбежно нейтрализует любой обращенный к ней революционный призыв. Как же тогда быть с этими массами? Они являются основной темой всех дискурсов, ориентация на них стала навязчивой идеей любого социального проекта. И, тем не менее, всех, кто на них ставит, постигает неудача, поскольку каждый, кто это делает, масс не знает, – он исходит из их классической дефиниции, которая сложилась в контексте эсхатологической надежды на социальное и его осуществление. Но массы – **это не социальное**, это отступление всякого социального и всякого социализма. Конечно, всегда было достаточно и теоретиков иной ориентации: с подозрением относящихся к смыслу, указывающих на тупики свободы и разоблачающих политический обман, резко критикующих рациональность и любую форму репрезентации. Массы, однако, не критикуют – смысла, политического, репрезентации, истории, идеологии они избегают, опираясь на силу сомнамбулического отказа. Они действуют – здесь и теперь они осуществляют то, что так или иначе имеет в виду и наиболее радикальная критика, которая, тем не менее, не зная, как реализовать свои замыслы, упорно продолжает мечтать о будущей революции: революции критической, революции престижа, социального, желания. Но уже происходящей – инволюционной, а не активно-критической – революции она не замечает. Последняя имплозивна и не направляется никакими идеями. Она основана на инерции, а не на бодрой и радостной негативности. Она молчалива и именно инволютивна – то есть абсолютно исключает революционные речи и призывы к сознательности. У нее нет смысла. Ей нечего нам сказать.

К тому же единственный феномен, который близок массе как виновнику потрясений и смерти социального, – это терроризм. С одной стороны, масса и терроризм – непримиримые враги, и власть без труда сталкивает их друг с другом. Но с другой – есть и то, в чем они удивительным образом совпадают: отрицает социальное и отказывается от смысла не только масса – это характерно и для терроризма. Терроризм полагает, что он выступает против капитала (мирового империализма и т. п.), но он ошибается – на деле он противодействует социальному, которое и является его настоящим противником. Современный терроризм держит под прицелом социальное в ответ на **терроризм социального**. И он держит под прицелом именно современное социальное: переплетение сфер, связей, центров и структур, сеть контроля и блокировки – все то, что окружает нас со всех сторон и благодаря чему мы, все мы, оказываемся молчаливым

большинством. Перед ним новая – гиперреальная, неуловимая, опирающаяся уже не на закон, репрессии и насилие, а на внедрение моделей и на убеждение/разубеждение – социальность, и он отвечает на ее вызов **ничем иным, как гиперреальным** же действием – действием, которое с самого начала погружено в расходящиеся в разных направлениях волны средств массовой информации и гипноза, которое развертывается не в области репрезентации и сознания, рефлексии и логики причинно-следственной зависимости, а там, где заявляет о себе мышление, черпающее свою силу в механизмах совместных положительных или отрицательных переживаний, в механизмах цепной реакции передачи настроения. Терроризм столь же лишен смысла и столь же неопределенен, как и система, с которой он борется и в которую, по сути дела, включен в качестве средоточия максимальной и одновременно исчезающе малой имплозии. Терроризм – это не вспышка исторической и политической критики, он по-настоящему имплозивен, и он вызывает оцепенение, ошеломляет, а потому внутренне связан с молчанием и пассивностью масс.

Терроризм направлен не на то, чтобы заставить говорить, воодушевить или мобилизовать, – он не приводит к революции (в этом плане он, пожалуй, абсолютно контр продуктивен; но, вменяя ему в вину вред, который он наносит революционному движению, надо учитывать, что он и не стремится быть революционером). Он ориентирован на массы именно в их молчании, массы, загипнотизированные информацией. Он концентрирует свое внимание исключительно на современном социальном, на этой постоянно влияющей на нас белой магии информации, симулирования, разубеждения, анонимного и произвольного управления, на этой магии абстракции – магии, которую он максимально активизирует и которую, таким образом, подталкивает к смерти, используя магию иную, черную, магию абстракции еще более сильной, более анонимной и более произвольной: магию террористического акта.

Террористический акт единственный не является актом репрезентации. Этим он сближается с массой, выступающей единственной реальностью, которая не может иметь представления. Отсюда следует, что терроризм вовсе **не представляет** невысказанное массами и никоим образом не служит активным выражением их пассивного сопротивления. Между терроризмом и поведением массы существует отношение не представляющего и представляемого, а эквивалентности: оба не направляются никакой идеей, оба не принадлежат никакой репрезентативности, оба не имеют никакого смысла. Их объединяет самое радикальное, самое решительное отрицание любой репрезентативной системы. И это на сегодняшний день, в сущности, все, что мы в состоянии сказать о связях, которые могут устанавливаться между двумя элементами, находящимися вне области репрезентации. Разобраться в данном вопросе нам не позволяет базовая схема нашего познания – ею всегда полагается среда [*medium*] субъекта и языка,

среда представления. И потому нам открыты лишь сцепления репрезентации; что же касается соединений, основанных на аналогии или родстве, соединений непосредственных или нереференциальных, – что касается всех других структур, то мы их практически не знаем. Безусловно, массы и терроризм связывает что-то весьма важное, то, что было бы бесполезно искать у исторически предшествующих им репрезентативных систем (народ/национальное собрание, пролетариат/партия, меньшинства маргиналов/представляющие их группы и группки…). И также, как между полюсами какой-нибудь репрезентативной системы циркулирует энергия социальная, энергия позитивная, точно так же, по-видимому, циркулирует энергия и между массой и терроризмом, между этими не-полюсами системы нерепрезентации, но это **энергия противоположного характера**, энергия не социальной аккумуляции и трансформации, а социальной дисперсии, рассеивания **социального**, энергия поглощения и уничтожения политики.

Утверждать, что «эпоха молчаливого большинства» «порождает» терроризм – значит допускать ошибку. На самом же деле масса и терроризм, хотя и непонятным для нас образом, но именно сосуществуют. И такого рода их синхронное функционирование, каким бы ни было к нему отношение, – единственное, что по-настоящему знаменует собой конец политического и социального. Единственное, что характеризует этот период неудержимой имплозии всех систем репрезентации.

Задача терроризма заключается вовсе не в том, чтобы продемонстрировать репрессивный характер государства (на это ориентирована провокационная негативность групп и группок, которые цепляются за нее как за последнюю возможность выступить перед массами в качестве их представителей). Будучи нерепрезентативным, он делает очевидной – запуская механизм цепной реакции ее распространения, а не указывая на нее и не пытаясь подтолкнуть к ее осознанию – нерепрезентативность любой власти. Именно такова его подрывная работа: он утверждает не-репрезентацию, внедряя ее крайне малыми, но весьма концентрированными дозами.

Характерная для него жестокость объясняется тем, что он отрицает все репрезентативные институции (профсоюзы, организованные движения, сознательную «политическую» борьбу и т. п.), включая и те, от которых исходят заверения в солидарности с его усилиями, ибо солидарность – это всего лишь один из способов конституировать его как модель, как эмблему и, следовательно, заставить быть представителем. (О погибших участниках акции в таких случаях говорят: «Они умерли за нас, их смерть не напрасна…».) Для того чтобы преодолеть какие бы то ни было смыслы, для того чтобы создать ситуацию, когда невозможно осознать, насколько он социально нелегитимен, в какой мере он не ведет ни к каким политическим результатам и не вписан ни в какую историю, терроризм использует любые средства. Его единственное «отражение» – вовсе не цепь вызванных им

исторических следствий, а рассказ [*récit*], шокирующее сообщение о нем в средствах информации. Однако этот рассказ принадлежит порядку объективности и информативности не больше, чем терроризм – порядку политического. И тот и другой находятся за пределами и смысла, и репрезентации – в сфере, которая, является если не областью мифа, то, во всяком случае, областью симулякра.

Другой аспект террористического насилия – отрицание всякой детерминации и всякого качества. В этом плане терроризм надо отличать от бандитизма и акций «коммандос». Отряд «коммандос» осуществляет военные операции против определенного противника (они могут выражаться в подрыве железнодорожного состава, внезапном нападении на вражеский штаб и т.д.). Бандитизм (налет на банк, лишение свободы в расчете на получение выкупа и т.п.) является разновидностью традиционного уголовного насилия. Все эти действия имеют цель, экономическую или военную. Современный терроризм, начало которому положили захваты заложников и игра с откладыванием-отсрочиванием смерти [*jeu différé de la mort*], уже не имеет ни цели (если все же допустить, что он ориентирован какими-то целями, то они либо совсем незначительны, либо недостижимы – во всяком случае он является самым неэффективным средством их достижения), ни конкретного врага. Можно ли сказать, что захватом заложников палестинцы борются с государством Израиль? Нет, их действительный противник находится за его спиной. Пожалуй, он не принадлежит даже и области мифа, ибо выступает как нечто анонимное, недифференцированное, как некий мировой социальный порядок. Палестинцы обнаруживают этого врага где угодно, когда угодно, для них его олицетворением могут выступать любые, даже самые невинные, люди. Именно так заявляет о себе терроризм; и он остается самим собой, сохраняет себя только потому, что действует везде, всегда и против всех – иначе он был бы лишь вымогательством или акцией «коммандос». **Характер функционирования этой слепой силы находится в полном соответствии с абсолютной недифференцированностью системы**, в которой уже давно не существует различия между целями и средствами, палачами и жертвами. Своими действиями, выражающими его убийственное безразличие к тому, кто окажется у него в заложниках, терроризм направлен как раз против самого главного продукта всей системы – анонимного и совершенно безликого индивида, индивида, ничем не отличающегося от себе подобных. Невиновные расплачиваются за преступление, состоящее в том, что они теперь никто, что у них нет собственной судьбы, что они лишены своего имени, лишены системой, которая сама анонимна и которую они, таким образом, символизируют, – вот парадокс нынешней ситуации. Они являются конечным продуктом социального, абстрактной и ставшей сегодня всемирной социальности. И именно потому, что они теперь – это **«кто угодно»**, им и суждено быть жертвами терроризма.

Как раз в этом смысле, или, лучше сказать, в этом своем вызове смыслу, террористический акт сближается с катастрофами, происходящими в природе. Никакой разницы между подземным толчком в Гватемале и угоном «Боинга» Люфтганзы с тремястами пассажирами на борту, между «естественным» действием природы и «человеческим» действием терроризма не существует. Террористами являются и природа, и внезапный отказ любой технологической системы: крупные сбои в системах подачи электроэнергии в Нью-Йорке (в 1965 и 1977 годах) создали ситуации значительно более серьезные, чем те, к которым приводили все до сих пор осуществлявшиеся спланированные террористические акты. Более того: эти крупные аварии технологического плана, как и катаклизмы природного характера, демонстрируют возможность радикальной подрывной работы **без субъекта**. Сбой 1977 года в Нью-Йорке мог бы быть устроен и хорошо организованной группой террористов, но результат оказался бы тем же самым. Последовали бы те же акты насилия и грабежи, точно так же стало бы нарастать возмущение происходящим и точно таким же мучительным было бы ожидание того, когда же наконец установится «социальный» порядок. Отсюда следует, что терроризм порожден не стремлением к насилию, а характерен для нормального состояния социального – в той мере, в какой это нормальное состояние в любой момент может превратиться в нечто прямо противоположное, абсурдное, неконтролируемое. Природная катастрофа способствует такому повороту событий и именно поэтому парадоксальным образом становится **мифическим выражением** катастрофы социального. Или, точнее, природная катастрофа, будучи в высшей степени бессмысленным и нерепрезентативным событием (разве что за ним стоит Бог; не случайно в ситуации с последней аварией в электросетях Нью-Йорка ответственный работник **Continental Edison** заговорил о Боге и его вмешательстве), становится своего рода симптомом или наиболее ярким олицетворением особого состояния социального, а именно его катастрофы и крушения всех репрезентаций, на которые социальное опиралось.

Примечания

[1]* То есть не «взрывающееся», не распространяющееся вовне, а, наоборот, вбирающее, втягивающее в себя. [Здесь и далее примечания переводчика обозначены (*).]

[2]* *Мана* – сверхъестественная сила, согласно верованиям народов Меланезии и Полинезии, присущая определенным людям, животным, вещам и духам.

[3]* Слово *résilié* – аннулирован, расторгнут – Ж. Бодрийяр сближает с похожим по звучанию *resille* – сетка, сеть.

[4]* Ж. Бодрийяр отсылает к лат. *neuter* – ни тот, ни другой; никто из двух.

[5]* *Différence,* на русский обычно переводимое как различие, происходит от *differer*, означающего не только различаться, но и откладывать, медлить. В своем *différence* Ж. Бодрийяр, по всей видимости, хотел бы удержать оба значения этого глагола. Проблема *differer* в данном ключе подробно обсуждается у Ж. Дерриды. См.: *Деррида, Ж* . Голос и феномен. – СПб., 1999. – С. 175–178.

[6]* Используя сочетание зеркало социального (*miroir du social*), Ж. Бодрийяр сначала употребляет его в значении зеркало, отражающее социальное (объективный генитив слова социальное), а затем в смысле социальное, играющее роль зеркала (генитив субъективный). Ср. с хайдеггеровским захваченность бытия (*Хайдеггер, М.* Письмо о гуманизме // *Хайдеггер М.* Время и бытие. – М., 1993. – С. 193).

© Жовтун Д.Т., составитель, 2010